

Неужели это так надо Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://to1stoyleo.ru/> Приятного чтения!

Неужели это так надо? Лев Николаевич Толстой

I

Стоит среди полей обнесенный стеной чугунолитейный завод с не переставая дымящимися огромными трубами, с гремящими цепями, домнами, с подъездной железной дорогой и раскинутыми домиками заведующих и рабочих. На заводе этом и в шахтах его, как муравьи, копаются рабочие люди: одни на 100 аршин под землю, в темных, узких, душных, сырых, постоянно угрожающих смертью проходах, с утра до ночи, или с ночи до утра выбивают руду; другие в темноте, согнувшись, подвозят эту руду или глину к дудке и везут назад пустые вагончики и опять наполняют их, и так работают по двенадцати, четырнадцать часов в день всю неделю.

Так работают в шахтах. На самой домне работают одни у печей при удушающей жаре, другие у спуска расплавленной руды и шлака; третьи – машинисты, кочегары, слесаря, кирпичники, плотники – в мастерских, также по двенадцать, четырнадцать часов всю неделю.

По воскресеньям все эти люди получают расчет, моются и, иногда немые, напиваются в трактирах и кабаках, со всех сторон окружающих завод и заманивающих рабочих, и с раннего утра в понедельник опять становятся на ту же работу.

Тут же около завода мужики пашут на измученных, захудалых лошадях чужое поле. Мужики эти встали на заре, если они не провели ночь в ночном, то есть не ночевали у болота, – единственное место, где они могут накормить лошадь. Встали они на заре, приехали домой, запрягли лошадь и, захватив краюху хлеба, поехали пахать чужое поле.

Другие же мужики тут же недалеко от завода сидят на шоссе на дороге, пригородив себе из рогожки защиту, и бьют шоссе камень. Ноги у этих людей избиты, руки в мозолях, все тело грязно, и не только лицо, волосы и борода, но и легкие их пропитаны известковой пылью.

Взяв из неразбитой кучи большой неразбитый камень, люди эти, укладывая его между обувью в лапти и обмотанными ветошками, ступнями ног, бьют по камню тяжелым молотом до тех пор, пока камень рассядет. А когда рассядет, берут разбитые куски и бьют по ним до тех пор, пока и эти не разобьются на мелкий щебень; и опять берут целые камни и опять сначала... И так работают эти люди от утренней зари до ночи – пятнадцать, шестнадцать часов, отдыхая только часа два после обеда, и два раза, в завтрак и в полдень, подкрепляют себя хлебом и водой.

И так живут все эти люди и в шахтах, и на заводе, и пахари, и каменобойцы, с молодых лет и до старости; и так же живут в непосильных трудах их жены и матери, наживая маточные болезни; и так же живут их отцы и дети, плохо накормленные, плохо одетые, в сверхсильной, губящей здоровье работе, с утра и до вечера, с молодости и до старости.

А вот мимо завода, мимо каменобойцев, мимо пашущих мужиков, встречая и обгоняя оборванных мужчин и женщин с котомками, бредущих из места в место и кормящихся Христовым именем, катится, позвякивая бубенцами, коляска, запряженная одномастной гнедой четверней пятивершковых коней, из которых худший стоит всего двора каждого из любующихся на эту четверню мужиков. В коляске сидят две барышни, блестя яркими цветами зонтиков, лент и перьев шляп, стоящих каждая дорожке той лошади, на которой пашет мужик свое поле; на переднем месте сидит блестящий на солнце галунами и пуговицами офицер в свежечемытом кителе; на козлах грузный кучер в шелковых синих рукавах рубахи и бархатной поддевке. Он чуть не задавил богомолка и не сбил в канаву проезжавшего порожнем мужика, в его испачканной рудой рубахе трясущегося на телеге.

«А это не видишь?» – говорит кучер, показывая кнут недостаточно скоро свернувшему мужику, и мужик одной рукой дергает за вожжу, а другой испуганно снимает шапку с вшивой головы.

За коляской беззвучно несутся, блестя на солнце никелированными частями машины, два велосипедиста и одна велосипедистка и весело смеются, перегоняя и пугая крестящихся богомолка.

Стороной же от шоссе едут два верховых: мужчина на английском жеребце и дама на иноходце. Не говоря о цене лошадей и седел, одна черная шляпа с лиловым вуалем стоит два месяца работы каменобойцев, а за стик-хлыст, модный английский, заплачено столько, сколько получит в неделю подземной работы тот малый, который идет довольный тем, что нанялся в шахты, и сторонится, любуясь на гладкие фигуры лошадей и всадников и на жирную, иноземную, огромную собаку в дорогом ошейнике, бегущую с высунутым языком за ними.

Неподалеку за этой компанией едут на телеге улыбающаяся, с завитыми кудряшками, нарядная девица в белом фартуке и толстый румяный мужчина с расчесанными бакенбардами, с папироской в зубах, что-то нашептывающий девице. В телеге видны самовар, узлы в салфетках, мороженица.

Это – прислуга людей, едущих в коляске, верхом и на велосипедах. Нынешний день не представляет для них ничего исключительного. Они живут так все лето и почти каждый день делают прогулки, а иногда, как нынче, с чаем, напитками и сладостями, с тем, чтобы есть и пить не в одном и том же, а в новом месте.

Господа эти три семьи, живущие в деревне и на даче. Одна семья помещика, владельца двух тысяч десятин земли, другая чиновника, получающего три тысячи жалованья, третья, самая богатая семья – дети фабриканта.

Все эти люди нисколько не удивлены и не тронуты видом всей той нищеты и каторжного труда, которые окружают их. Они считают, что все это так и должно быть. Занимает их совсем другое.

«Нет, это невозможно, – говорит дама верхом, оглядываясь на собаку, – я не могу видеть этого!» И она останавливает коляску. Все говорят вместе по-французски, смеются и сажают собаку в коляску и едут дальше, застилая облаками известковой пыли каменобойцев и прохожих по дороге.

И коляска, и верховые, и велосипедисты промелькнули, как существа из другого мира; а заводские, каменобойцы, мужики-пахари продолжают свою тяжелую, однообразную, чужую работу, которая кончится вместе с их жизнью.

«Живут же люди», – думают они, провожая глазами проехавших. И еще мучительнее представляется им их мучительное существование.

II

Что же это такое? Сделали, что ли, эти работающие люди что-нибудь очень преступное, за что они так наказаны? Или это удел всех людей? А те, которые проехали в колясках и на велосипедах, сделали или еще сделают что-нибудь особенно полезное и важное, за что они так награждены? Нисколько! напротив, те, которые так напряженно работают, большей частью нравственные, воздержанные, скромные, трудолюбивые люди; те же, которые проехали, большей частью – развращенные, похотливые, наглые, праздные люди. А все это так только потому, что такое устройство жизни считается естественным и правильным в мире людей, утверждающих про себя или то, что они исповедуют закон Христа любви к ближнему, или то, что они культурные, то есть усовершенствованные люди.

И такое устройство существует не только в том уголке Тульского уезда, который живо представляется мне, потому что я часто выдаю его, а везде, не только в России от Петербурга до Батума, но и во Франции – от Парижа до Оверна, и в Италии – от Рима до Палермо, и в Германии, и в Испании, и в Америке, и в Австралии, и даже в Индии и в Китае. Везде два или три человека на тысячу живут так, что, ничего не делая для себя, в один день съедают и выпивают то, что прокормило бы сотни людей в год; носят на себе одежды, стоящие тысячи, живут в палатах, где поместились бы тысячи рабочих людей; тратят на свои прихоти тысячи, миллионы рабочих дней; другие же, недосыпая, недоедая, работают через силу, губя свое телесное и душевное здоровье, на этих избранных.

Для одних людей, когда они еще только собираются родиться, призывают акушерку, доктора, иногда двух для одной родильницы, готовят приданное с сотней распашонок, качающиеся тележки; другие же, огромное большинство, рожают детей где и как попало, без помощи, завертывают в тряпки, кладут в лубочные люльки на солону и радуются, когда они умирают.

Неужели это так надо Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
За детьми одних, куда мать лежит девять дней, ухаживает бабка, нянька, кормилица, за другими никто не ухаживает, потому что некому, и сама мать встает тотчас же после родов, топчет печку, доит корову и иногда стирает белье для себя и мужа. Одни растут среди игрушек, забав и поучений, другие сначала ползают голыми брюхами через пороги, увечатся, съедаются свиньями и с пяти лет начинают подневольно работать. Одних научают всей научной мудрости, приспособленной к детскому возрасту, других обучают матерным словам и самым диким суевериям. Одни влюбляются, заводят романы и потом женятся, когда уже извели все удовольствия любви; других женят и отдают замуж, за кого нужно родителям, для помощи в работе от 16 до 20 лет. Одни едят и пьют самое лучшее и дорогое, что только есть на свете, кормя своих собак белым хлебом и говядиной; другие едят один хлеб с квасом, и то не вволю и не мягкий, чтобы не съесть лишнего. Одни, не пачкаясь, меняют тонкое белье каждый день; другие, постоянно работая чужую работу, меняют грубое, изодранное, швиевое белье в две недели, а то и вовсе не меняют, а носят его, пока распадется. Одни спят в чистых простынях, на пуховиках; другие – на земле, покрывшись рваными кафтанами.

Одни ездят на сытых, кормленных конях без дела, для гулянья; другие мучительно работают на некормленных лошадях и по делу идут пешие. Одни придумывают, что бы им сделать, чтобы занять свое праздное время; другие же не успевают обчиститься, обмыться, отдохнуть, слово сказать, повидаться с родными. Одни читают на четырех языках, веселятся каждый день самыми разнообразными увеселениями, другие совсем не знают грамоты и не знают другого веселья, кроме пьянства. Одни все знают и ни во что не верят; другие ничего не знают и верят во всякий вздор, который им скажут. Одни, когда заболевают, то, не говоря о всех возможных водах, всяком уходе и всякой чистоте и лекарствах, переезжают с места на место, отыскивая самый лучший целебный воздух; другие ложатся в курной избе на печке и с непромытыми ранами, отсутствием всякой пищи, кроме сухого хлеба, и – воздуха, кроме зараженного десятью членами семейства, телятами и овцами, гниют заживо и преждевременно умирают.

Неужели это так надо?

Если есть высший разум и любовь, руководящие миром, если есть Бог, то не мог он хотеть, чтобы было такое разделение между людьми, чтобы одни не знали, что делать с избытком своих богатств, и швыряли бы без толку плод трудов других людей; другие бы чахли и преждевременно умирали или жили бы мучительной жизнью в непосильной работе.

Если есть Бог, то это не может и не должно быть. Если же нет Бога, то с самой простой человеческой точки зрения такое устройство жизни, при котором большинство людей должно губить свои жизни для того, чтобы малое число людей пользовалось избытком, который только затрудняет и возвращает это меньшинство, – такое устройство жизни нелепо, потому что для всех невыгодно.

III

Так зачем же люди живут так?

Понятно, что богатые люди, привыкшие к своему богатству и не видящие ясно того, что богатство не дает счастья, стараются удержать свое положение. Но зачем то огромное большинство, в руках которого всякая власть, зачем это большинство, полагая счастье в богатстве, живет в нужде и подчиняется меньшинству?

В самом деле, зачем все те сильные мускулами и мастерством и привычкой к труду люди, – огромное большинство людей, подчиняются, покоряются горсти слабых людей, большей частью ни на что не способных, изнеженных стариков и, главное, женщин?

Пройдите перед праздниками или во время дешевых товаров по торговым заведениям, хотя бы по пассажирам Москвы. Десять или двенадцать пассажей, состоящих из сплошных, великолепных магазинов с огромными цельными стеклами, все наполнены разнообразными дорогими вещами, – исключительно женскими: материи, платья, кружева, драгоценные камни, обувь, комнатные украшения, меха и пр. и пр. Все эти вещи стоят миллионы и миллионы, все эти вещи делались на заводах часто губящими свои жизни над этими работами рабочими, и все эти вещи ни на что не нужны не только рабочим, но даже и богатым мужикам, все это забавы и украшения женщин. У подъездов с обеих сторон стоят швейцары в галунах и кучера в дорожных одеждах, сидя на козлах дорогих экипажей, запряженных тысячными рысаками. Опять миллионы рабочих дней потрачены на производство всей этой роскоши запряжек: старые,

Неужели это так надо Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru молодые рабочие, мужчины, женщины посвящают целые жизни на производство всех этих предметов. И все эти предметы во власти и в руках нескольких сотен женщин, в по последней моде дорогих шубках и шляпках шныряющих по этим магазинам и покупающих все эти приготовленные только для них предметы.

Несколько сотен женщин распоряжаются по своему произволу трудом миллионов людей тружеников, работающих для прокормления себя и своих семей. От произвола этих женщина зависит судьба, жизнь миллионов людей.

Как это случилось?

Для чего все эти миллионы сильных людей, которые работали эти предметы, подчиняются этим женщинам?

Вот подъезжает на паре рысаков барыня в бархатной шубе и шляпе по самой последней моде. Все на ней новое и самое дорогое. Швейцар бросается отстегивать полость ее саней и почтительно под локоток высаживает ее. Она идет по пассажиру, как по своему царству, заходит в один магазин и покупает на пять тысяч рублей материи на гостиную и, приказывая доставить это себе на дом, идет дальше. Женщина эта злая, глупая и даже некрасивая, и не рожаящая детей, и ничего в своей жизни для других не сделавшая. Почему же так раболепно увиваются перед ней и швейцар, и кучер, и приказчик? И почему все то, над чем трудились тысячи рабочих, сделалось ее собственностью? Потому что у нее деньги. А и швейцару, и кучеру, и приказчику, и рабочим на фабрике необходимы эти деньги, чтобы кормить семьи. Деньги же эти им удобнее всего, а иногда только и возможно приобрести тем, чтобы служить кучером, швейцаром, приказчиком, рабочим на фабрике.

А почему деньги у этой женщины? Деньги у этой женщины потому, что люди, согнанные с земли и отученные от всякой другой работы, кроме машинного ткачества материй на фабриках, живут на фабрике ее мужа, муж же ее, давая рабочим только то, что им необходимо для прокормления, все барыши с фабрики, несколько сот тысяч, берет себе и, не зная, куда употребить их, охотно отдает жене, чтобы она, на что ей вздумается, тратила их.

А вот другая барыня, в еще более роскошном экипаже и одежде, покупает разные дорогие и ненужные вещи в разных магазинах. Откуда у этой деньги? Эта – содержанка богача землевладельца двадцати тысяч десятин, пожалованных его предку распутной царицей за разврат его с этой старухой-царицей. Землевладелец этот владеет всей землей вокруг поселенных в ней крестьян и отдает эту землю крестьянам по семнадцать рублей за десятину. Крестьяне платят эти деньги потому, что без земли они померли бы с голоду. И эти деньги теперь в руках содержанки, и на эти-то деньги она покупает вещи, сделанные другими, согнанными с земли крестьянами.

А вот еще с женихом и матерью ходит по пассажиру третья богатая женщина. Женщина эта выходит замуж и покупает бронзы и дорогую посуду. У этой деньги от отца, важного чиновника, получающего двенадцать тысяч жалования. Он дал дочери на приданное семь тысяч. Деньги эти собраны с внутренних и внешних податей, с крестьян же. Эти самые подати заставили и швейцара, который отворяет двери (он калужский мужик: у него остались дома жена и дети), и кучера-извозчика, который подвез их (этот – тульский мужик), и сотни, и тысячи, и миллионы людей, работающих в прислугах и на фабриках, – побросать дома и работать работу, потребляемую барынями, получившими деньги, собранные ими с барышей на фабриках, или с земли, или с податей: фабрикантами, землевладельцами, чиновниками.

Так что подчинились миллионы рабочих этим женщинам потому, что один человек завладел фабрикой, на которой работают люди, другой завладел землей, а третий – теми податями, которые собираются с рабочих. От этого произошло и то, что я видел около чугунного завода.

Мужики пахали чужое поле потому, что у них нет достаточно своей земли, а тот, кто владеет землей, позволяет им пользоваться его землей только с тем, чтобы они на него работали. Каменобойцы били камень потому, что только этой работой они могли заплатить требуемые с них подати. На заводе и в шахтах работали люди потому, что и земля, из которой вынимают чугун, и завод, на котором его льют, принадлежат не им.

Все эти рабочие работают тяжелую, не свою работу потому, что богатые люди

Неужели это так надо Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru захватили землю, собирают подати и владеют заводами.

IV

Почему же владеет землей не тот, который на ней работает, а тот, кто не работает? Почему малое число людей пользуется податями, собираемыми со всех, а не те, которые платят их? Почему владеют заводами не те, которые построили их и работают на них, а малое число людей, которые не строили их и не работают на них?

На вопрос: отчего люди неработающие захватили земли работающих? – обычный ответ тот, что это оттого, что земля пожалована им за заслуги или куплена на заработанные деньги. На вопрос о том, почему одни люди, малое число людей, неработающие правители и их помощники собирают большую долю богатств всех рабочих людей и по своему произволу пользуются ими? – обычный ответ тот, что люди, пользующиеся деньгами, собираемыми с народа, управляют другими и защищают их и соблюдают между ними порядок и благоустройство. На вопрос же, отчего люди неработающие, богатые, владеют произведениями и орудиями труда рабочих? – ответ тот, что эти произведения и орудия труда заработаны ими или их предками.

И все эти люди – как землевладельцы, так и служащие правительству, и торговцы, и фабриканты, искренно уверены в том, что владение их совершенно справедливо, – что они имеют право на такое владение.

А между тем, ни владение землей, ни соби́рание податей и пользование ими, ни обладание произведениями и орудиями труда людьми неработающими не имеют никакого оправдания. Владение землей не работающими на ней не имеет оправдания потому, что земля, как вода, воздух, солнечные лучи, – составляет необходимое условие жизни каждого человека и потому не может быть исключительной собственностью одного. Если земля, а не вода, воздух и лучи солнца сделались предметом собственности, то произошло это не оттого, что земля не есть такое же необходимое и потому не могущее быть присвоенным условие существования всякого человека, но только потому, что лишить людей воды, воздуха и солнца нельзя было, лишить же пользования землей было возможно.

Земельная собственность как возникла из насилия (завоеванием присваивали себе землю и потом раздавали и продавали ее), так и осталась, несмотря на все попытки обратить ее в право, только насилием сильного и вооруженного над слабым и безоружным.

Нарушь человек, работающий на земле, это воображаемое право, начни пахать землю, считающуюся собственностью другого, и тотчас же явится то, на чем основано это мнимое право, – сначала в виде полицейских, а потом и военной силы – солдат, которые будут колоть, стрелять в тех, которые захотят воспользоваться своим действительным правом кормиться работой на земле. Так что то, что называется правом на собственность земли, есть только насилие над всеми теми людьми, которые могут нуждаться в этой земле. Право на землю подобно праву на дорогу, которую захватили разбойники и по которой не пропускают людей без выкупа.

Еще менее может найти себе подобие оправдания право правительства на насильственное взимание податей. Утверждается, что подати употребляются на защиту государства от внешних врагов, на установление и поддержание внутреннего порядка и на устройство всем нужных общественных дел.

Но, во-первых, внешних врагов уже давным-давно нет, даже по заявлениям самих правительств: все они уверяют свои народы, что они желают только мира. Германский император желает мира, французская республика желает мира, Англия желает мира, и того же желает Россия. Тем более того же желают трансваальцы и китайцы. Так от кого же надо защищаться?

Во-вторых, для того, чтобы отдавать деньги для устройства внутреннего порядка и общественных дел, нужно быть уверенным, что люди, устраивающие порядок, устроят его и, кроме того, что порядок будет хорош и что устраиваемые общественные дела действительно нужны обществу. Если же, как это всегда и везде повторяется, те, кто платят подати, не уверены в деловитости и даже честности тех, которые устраивают порядок, и, кроме того, самый порядок этот считают дурным, и устраиваемые общественные дела совсем не такие, какие нужны плательщикам податей, то очевидно, что нет никакого права соби́рания податей, а есть только насилие.

Помню мудрое слово русского мужика, религиозного и потому истинно свободомыслящего. Он так же, как Торо, считал справедливым не давать подати на дела, не одобряемые его совестью, и когда к нему пришли с требованием уплаты его доли подати, он спросил – на что пойдут подати, которые он даст, говоря: если подати пойдут на доброе дело, то я сейчас же дам не только то, что вы требуете, но и больше; если же подати пойдут на дурное, то я не могу дать и не дам добровольно ни копейки.

Разумеется, с ним не стали разговаривать, а сломали запертые им ворота, увели корову и продали на подати. Так что, в сущности, истинная, настоящая причина податей есть только одна: власть, которая собирает их, – возможность ограбить тех, которые не дают охотно, и даже за отказ избить, заточить в тюрьму, наказать, так это и делают.

То, что в Англии, Франции, Америке и вообще в конституционных государствах подати определяются парламентом, то есть мнимо собранными представителями народа, не изменяет дела, так как выборы так устроены, что члены парламента не представляют народа, а принадлежат к политикам, а если не принадлежали, то становятся ими, как скоро попадут в парламент, занятыми личными честолюбиями и интересами враждующих партий.

Так же мало доказательны оправдания мнимого права собственности неработающих на произведения труда других людей.

Это право собственности, называемое даже священным правом, оправдывается обыкновенно тем, что собственность есть результат воздержанности и трудолюбивой деятельности, полезной людям. А между тем стоит только рассмотреть происхождение всех больших состояний, чтобы убедиться в противном.

Возникают состояния всегда или из насилия – это самое обыкновенное, или из скарденности, или из крупного мошенничества, или из хронического обмана, как те, которые производятся торговцами. Чем нравственнее человек, тем вернее он лишается того состояния, которое имеет, и чем безнравственнее, тем вернее наживает и удерживает состояние. Народная мудрость говорит, что от трудов праведных не наживешь палат каменных, – что от труда будешь не богат, а горбат. И так оно было и в старину, и тем более теперь, когда распределение богатств уже давно совершилось самым неправильным образом. Если и можно допустить, что в первобытном обществе человек более воздержанный и трудолюбивый приобретает больше невоздержанного и мало работающего, то в нашем обществе ничего подобного быть не может. Как бы воздержан и трудолюбив ни был рабочий, работающий на чужой земле, покупающий по цене, которую ему назначат, необходимые предметы и работающий чужими орудиями труда, он никогда не приобретет богатства. Человек же самый невоздержанный и праздный, как мы это видим на тысячах людей, который пристроится к правительству, к богатым людям, который займется ростовщичеством, фабричной деятельностью, домом терпимости, банком, торговлей вином, легко наживет состояние.

Законы, будто бы ограждающие собственность, суть законы, ограждающие только ограбленную собственность, которая уже находится в руках богатых, и не только не ограждают рабочих, не имеющих уже никакой собственности, кроме своего труда, но только содействуют ограблению этого их труда.

Мы видим бесчисленное количество администраторов: царя, его братьев, дядей, министров, судей, духовных лиц, которые получают огромные содержания, собранные с народа, и не исполняют тех легких даже обязанностей, которое они взяли с собой исполнять за это вознаграждение. И потому, казалось бы, эти люди крадут собираемое с народа содержание, то есть собственность народа, но никому и в голову не приходит судить их.

Если же рабочий воспользуется частью денег, получаемых этими людьми, или предметами, купленными на эти деньги, то считается, что он нарушил священную собственность, и его за эти гроши, которыми он воспользовался, судят, сажают в тюрьму, ссылают.

Фабрикант-миллионер обязуется выдать рабочему плату за труд, представляющую для него, фабриканта, одну десятиmillionную его состояния, то есть почти ничто; рабочий же обязуется, вследствие нужды, выставить в продолжение года ежедневную,

Неужели это так надо Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru кроме праздников, двенадцатичасовую, опасную, вредную для своего здоровья работу, то есть обязуется отдать фабриканту большую часть своей жизни, может быть и всю жизнь; и правительство одинаково ограждает как ту, так и другую собственность.

Фабрикант же при этом заведомо из года в год крадет у рабочего большую долю его заработка и присваивает себе. Казалось бы очевидно, что фабрикант похищает большую половину собственности рабочего и потому должен бы подлежать ответственности; но правительство считает нажитую таким способом собственность фабриканта священной и казнит рабочего, унесшего под полой два фунта меди, составляющих одну миллиардную часть собственности фабриканта.

Попробуй рабочий, как это прорывается при еврейских погромах, отобрать от богачей хоть часть того, что отнято у него по законам, попробуй хоть бы голодный, как недавно в Милане, взять тот хлеб, который, пользуясь голодом, продают рабочим по высоким ценам богачи, или попробуй рабочий отобрать посредством стачки хоть часть того, что взято у него, он нарушает священное право собственности, и правительство со своим войском сейчас приходит на помощь землевладельцу, фабриканту, торговцу против рабочего. Так что то право, на котором богатые люди основывают свое владение землей, взимания податей и обладания произведениями труда других людей, не имеет ничего общего с справедливостью и как то, так и другое, и третье основано только на насилии, производимом войском.

V

Задумает ли рабочий пахать землю, которая ему нужна для пропитания, попытается ли он уклониться от уплаты податей – прямых или косвенных, или попытается взять запасы хлеба, им же произведенные, или орудия труда, без которых он не может работать, – явится войско и силою воспрепятствует ему в этом.

Так что отчуждение земли, взимание податей, власть капиталистов составляет не основную причину бедственного положения рабочих, а только следствие. Основная же причина того, что миллионы рабочих людей живут и работают по воле меньшинства, – не в том, что меньшинство это захватило землю, орудия производства и берет подати, а в том, что оно может это делать, – что есть насилие, есть войско, которое находится в руках меньшинства и готовое убивать тех, которые не хотят исполнять волю этого меньшинства.

Когда крестьяне хотят завладеть землей, которая считается собственностью неработающего человека, или когда человек хочет не заплатить подати, или когда стачечники хотят помешать другим рабочим стать на их место, – являются те самые крестьяне, у которых отнята земля, плательщики податей и рабочие, только в мундирах и с ружьями, заставляющие своих братьев не в мундирах сойти с земли, отдать подати и прекратить стачку.

Когда в первый раз поймешь это, то не веришь себе, так это странно.

Рабочие хотят освободиться, и сами же рабочие заставляют себя покориться и оставаться в рабстве.

Зачем же они делают это?

А затем, что рабочие, взятые или нанятые в солдаты, подвергаются искусному процессу одурения и развращения, после которого они уже не могут не повиноваться слепо начальникам, что бы их ни заставили делать.

Делается это вот как: родится мальчик в деревне или городе. Во всех континентальных государствах, как только мальчик достигнет того возраста, когда сила, ловкость и гибкость доходят до высшей степени, душевные же силы находятся в самом смутном, неопределенном состоянии (около двадцати лет), так мальчика берут в солдаты, осматривают как рабочую скотину, и если он физически исправен и силен, его зачисляют, смотря по годности, в какую-нибудь часть войска и заставляют торжественно присягать в том, что он будет рабски повиноваться своим начальникам, потом удаляют от всех прежних условий, поят водкой или пивом, наряжают в пеструю одежду и вместе с такими же другими ребятами запирают в казармы, где он в полной праздности (то есть не делая никакой полезной, разумной работы) обучается самым нелепым солдатским правилам и названиям вещей и употреблению орудий убийства: сабли, штыка, ружья, пушки, главное же, обучается

Неужели это так надо Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru не только беспристрастному, но механически-рефлекторному повиновению приставленным к нему начальникам. Так это происходит в государствах, где есть военная повинность; где же ее нет, приставленные к этому люди отыскивают везде заболтавшихся, не желающих или не умеющих жить честным трудом, большей частью развращенных, но сильных людей, подкупают, подкупают их и забирают в солдаты и так же запирают в казармы и подвергают той же муштровке. Главная задача начальников в том, чтобы довести этих людей до состояния той лягушки, которая при прикосновении к ней неудержимо дрыгает ножкой. Хороший солдат – тот, который так же, как и эта лягушка, на известные крики начальника бессознательно отвечает требуемым движением. Достигается это тем, что несчастных людей этих, одетых в одинаковые пестрые одежды, в продолжение недель, месяцев, годов заставляют – при звуках барабана и музыки – ходить, вертеться, прыгать и делать все вместе, враз – по команде. За всякое жеслушание наказывают самыми жестокими наказаниями, даже смертью. При этом пьянство, разврат, праздность, сквернословие, убийство не только не воспрещаются, но учреждаются: солдат поят водкой, устраивают для них дома терпимости, учат похабным песням и обучают убийству. (Убийство до такой степени в этом круге людей считается хорошим и похвальным делом, что от офицеров-начальников в известных случаях требуют убийства друг друга, называемого дуэлью.) И вот смирный, кроткий малый, пробыв в такой школе около года (раньше этого солдат бывает еще не готов, то есть в нем остаются еще человеческие свойства), делается тем, что из него желают сделать, – бессмысленным и жестоким, могущественным и ужасным орудием насилия в руках своих начальников.

Всякий раз, когда зимою я в Москве прохожу мимо дворца и вижу у будки молодого малого часового, который, в своем тяжелом тулупе, стоит или ходит, шлепая огромными калошами по тротуару, поддерживая на плече последнего образца ружье с отточенным штыком, я всегда взглядываю ему в глаза, и всякий раз он отворачивается от моего взгляда, и всякий раз мне думается: ведь вот год или два тому назад это был деревенский веселый парень, естественный, добродушный, который весело заговорил бы со мной хорошим русским языком, рассказал бы мне, с сознанием своего крестьянского достоинства, всю свою историю; теперь же злобно и мрачно смотрит на меня и на все вопросы умеет отвечать только: «так точно-с» и «не могу знать». Если бы я, что мне всегда хочется сделать, пошел бы в ту дверь, у которой он стоит, или схватил бы рукой за его ружье, он, ни минуты не задумываясь, проткнул бы мне штыком живот, выдернул бы штык из раны, обтер его и продолжал бы ходить, шлепая калошами по асфальту, пока пришел бы со сменой ефрейтор, на уход передавая ему пароль и лозунг. И ведь такой не один, думается мне. Таких обращенных в машины, вооруженных ружьями ребят, почти детей, тысячи в одной Москве. Их миллионы по всей России и по всему свету. Взяли этих бессмысленных, но сильных, ловких ребят, развратили, подкупили их и, благодаря им, властвуют над миром. Ведь это ужасно. Ужасно то, что дурные, праздные люди, благодаря этим обманутым людям, обладают всеми этими дворцами и преступно приобретенным богатством, то есть трудом всего народа. Но ужаснее всего тут то, что для того, чтобы сделать это, им надо было озверить этих простых, добрых ребят, и они отчасти достигли этого.

Пускай бы те, кто владеют богатствами, сами бы защищали их. Это не было бы так отвратительно. Но ужасно то, что для того, чтобы грабить людей и защищать ограбленное, они употребляют тех самых, кого грабят, и для этого развращают их души.

Так что насилуют солдаты из рабочих своего же брата рабочего потому, что существует средство сделать из людей бессознательное орудие убийства, и правительства, забирая наборами или наймом солдат, употребляют над ними это средство.

VI

Но если это так, то невольно является вопрос: зачем же люди идут в солдаты? Зачем отцы их отпускают их?

Они могли идти в солдаты и подвергаться дисциплине до тех пор, пока не видели последствий этого. Но, раз увидав, что происходит от этого, зачем они продолжают подвергаться тому обману?

Происходит это оттого, что они считают военную службу не только делом полезным, но несомненно почтенным и добрым. А считают они, что военная служба дело почтенное и доброе потому, что так это внушено им тем учением, которому они

Неужели это так надо Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru подвергаются с детских лет и в котором усиленно поддерживаются в взрослом возрасте.

И потому существование войска есть тоже не основная причина, а только следствие. Основная же причина – в том учении, которое внушает людям, что военная служба, имеющая целью убийство людей, есть дело не только безгрешное, но хорошее, доблестное и похвальное. Так что причина бедственного положения людей лежит еще дальше, чем это кажется сначала.

Сначала кажется, что все дело в том, что землевладельцы захватили землю, капиталисты – орудия труда, а правительство насильно берет подати; но когда спросишь себя: почему земля принадлежит богатым, а рабочие не могут пользоваться ею, и почему рабочие должны отдавать подати, не пользуясь ими, и почему не рабочие, а капиталисты владеют орудиями производства? – то видишь, что это оттого, что есть войско, которое удерживает землю за богатыми, собирает подати с рабочих для богатых и удерживает за богатыми их фабрики и дорогие машины. Когда же спросишь себя, каким образом составляющие войско те самые рабочие, у которых отнимают то, что им нужно, нападают на самих себя, на своих отцов и братьев, то видишь, что причина этого в том, что взятых по набору или вольному найму солдат, посредством предназначенных для этого особых приемов, так обучают, что они лишаются всего человеческого и превращаются в бессознательные, покорные своим начальникам орудия убийства. Когда же, наконец, спросишь себя, почему же люди, видя такой обман, продолжают поступать в солдаты или давать подати на наем их, то видишь, что причина этого в том учении, которое внушается не только людям, которых берут в солдаты, но всем людям вообще, учении, по которому военная служба есть дело доброе и похвальное, и убийство на войне есть дело безгрешное.

Так что основная причина всего – есть учение, которое внушается людям.

От этого и нищета, и разврат, и ненависть, и казни, и убийства.

Какое же это учение?

Учение это называется христианским и состоит в следующем: есть Бог, 6000 лет тому назад сотворивший мир и человека Адама. Адам согрешил, и Бог наказал за это всех людей, а потом послал своего сына, тоже такого же Бога как и отец, на землю с тем, чтобы его там повесили. Это самое повешение и служит для людей средством от их наказания за грех Адама.

Если люди верят в это, то они будут прощены за грех Адама, если же не верят, то будут жестоко наказаны. Доказательством же того, что все это – правда, служит то, что все это открыто людям тем самым Богом, сведения о существовании которого получены от тех самых людей, которые все это исповедуют. Не говоря о разных, смотря по различным исповеданиям, изменениях к этому основному учению, общий, практический вывод из него во всех исповеданиях один и тот же, а именно тот, что люди должны верить и тому, что им проповедуется, и повиноваться существующим властям.

Это-то учение и составляет основную причину того обмана, по которому люди, считая военную службу полезным и добрым делом, поступают в солдаты и, обращаясь в безвольные машины, угнетают самих себя. Если и есть среди обманутых людей неверующие, то эти неверующие не веруют и ни во что другое и вследствие этого, не имея точки опоры, подчиняются общему течению и так же, как и верующие, несмотря на то, что видят обман, подчиняются ему.

И потому для уничтожения того зла, от которого страдают люди, нужно не освобождение земли, не уничтожение податей, и не обобществление орудий производства, и даже не свержение существующего правительства, а нужно уничтожение того ложного учения, называемого «христианским», в котором воспитываются люди нашего времени.

VII

Сначала кажется странным людям, знающим Евангелие, каким образом христианство, проповедующее сыновность Богу, духовную свободу, братство людей, уничтожение всякого насилия и любовь к врагам, могло выродиться в это странное, называемое людьми «христианским» учение, проповедующее слепое повиновение властям и тогда, когда власти требуют этого, и убийство. Но когда вдуматься в тот процесс, которым христианство входило и вошло в мир, то видишь, что это так и должно было

быть.

Когда языческие властители Константин, Карл Великий, Владимир принимали закутанное в языческие формы христианство и крестили в него свои народы, – им в голову не приходило, что принимаемое ими учение расторгало и царскую власть, и войско, и самое государство, то есть все то, без чего не могли себе представить жизни все те, которые первые приняли и вводили христианство. Разрушительная сила христианства была в первое время не только не заметна людям, но им казалось, что христианство поддерживало их власть. Но чем дальше жили христианские народы, тем больше и больше выяснялась сущность христианства, и тем очевиднее становилась заключающаяся в христианстве для языческого строя опасность. А чем очевиднее становилась эта опасность, тем заботливее старались правящие классы о том, чтобы заглушить, а если возможно, и затушить тот огонь, который они бессознательно внесли в мир вместе с христианством. Они употребляли для этого всевозможные средства: и запрещение перевода и чтения Евангелий, и избиения всех тех, кто указывал на истинный смысл христианского учения, и гипнотизацию масс – торжественностью и блеском обстановки, и, главное, хитросплетенные, утонченные толкования христианских положений. По мере же употребления этих средств, христианство все более и более изменялось и, наконец, сделалось таким учением, которое не только не носило в себе опасных для языческого строя начал, но оправдывало этот языческий строй с мнимо-христианской точки зрения. Явились и христианские владыки, и христоролюбивое воинство, и христианское богатство, и христианские суды, и христианские казни.

Правящие классы сделали по отношению христианства то самое, что врачи делают по отношению заразных болезней. Они выработали такую культуру безвредного христианства, что при прививке его настоящее христианство уже становится безопасным. Это церковное христианство – таково, что оно неизбежно или отталкивает разумных людей, представляясь им ужасающей нелепостью, или же, усваиваясь людьми, до такой степени удаляет их от истинного христианства, что они сквозь него уже не видят истинного значения его и даже с враждебностью и озлоблением относятся к этому его истинному значению.

Вот это-то выработавшееся веками, по чувству самосохранения, среди властвующих классов, прививаемое народу обезвреженное ложное христианство и составляет то учение, вследствие которого люди покорно совершают не только вредные для себя и своих близких поступки, но и прямо безнравственные и несогласные с требованиями совести, из которых самым важным по своим практическим последствиям есть поступление в военную службу, то есть готовность к убийству.

Вред этого обезвреженного ложного христианства состоит, преимущественно, в том, что оно ничего не предписывает, ничего не возбраняет. Все древние учения – как закон Моисея и закон Ману – дают правила, требующие или воспрещающие известные поступки; таковы же и буддийская, и магометанская религии; церковная же вера не дает никаких правил, кроме словесного исповедания, признания догматов, постов, говения, молитв (и на те даже придуманы для богатых людей обходы), а только жлет и все разрешает и даже то, что противно самым низменным требованиям нравственности. По этой церковной вере все можно. Владеть рабами – можно (и в Европе, и в Америке церковь была защитницей рабовладения). Наживать имущество, добываемое трудом угнетаемых братьев, можно. Быть богатым среди Лазарей, ползающих под столами пирующих, – не только можно, но и хорошо и похвально, если жертвовать при этом одну тысячную на церкви или больницы. Удерживать от нуждающихся свои богатства силою, заточать в одиночные тюрьмы, заковывать в цепи, приковывать к тачкам, казнить, – все это церковь благословляет. Распутничать всю молодую жизнь, а потом одно из таких распутств назвать браком и получить на это разрешение церкви – можно. Можно развестись и опять жениться. Можно, главное, убивать и в наказание (наказание значит поучение – убивать в поучение!) и, главное, можно и должно и похвально убивать на войне по приказанию начальства; церковь не только разрешает, но повелевает это.

Так что корень всего в ложном учении.

Уничтожся ложное учение – и не будет войска; а не будет войска, и сами собой уничтожатся те насилия, то угнетение и то развращение, которое совершается над народами. До тех же пор, пока люди будут воспитываться в ложно-христианском учении, все, до убийства включительно, разрешающем, – войско будет в руках меньшинства; меньшинство же это всегда будет пользоваться этим войском для отбирания от народа произведений его труда и, что хуже всего, для развращения

Неужели это так надо Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru народа, потому что без развращения народа оно не могло бы отнимать от него произведений его труда.

VIII

Корень всех бедствий народа – в том ложном учении, которое под видом христианского преподается ему.

И потому, казалось бы, очевидно, что обязанность всякого человека, освободившегося от религиозного обмана и желающего служить народу, состоит в том, чтобы словом и делом помогать обманутым людям освободиться от того обмана, который составляет причину их бедственного положения. Казалось бы, что, кроме общей обязанности каждого нравственного человека обличать ложь и исповедовать ту истину, которую он знает, всякий желающий служить народу человек не может из сострадания не желать избавить своих братьев от причиняющего им всякие бедствия обмана, в котором они находятся. А между тем, те самые люди, свободные от обмана и независимые и образованные на средства рабочего народа и по этому одному уже обязанные служить ему, – не видят этого.

«Религиозное учение не важно, – говорят эти люди. – Это дело совести каждого отдельного человека. Важно и нужно – политическое, социальное, экономическое устройство общества, и на это должны быть направлены все усилия людей, желающих служить народу. А религиозные учения все не важны и, как все суеверия, сами собой исчезнут в свое время». Так говорят эти образованные люди и, желая служить народу, одни из них поступают на службу к правительству: в войска, духовенство, члены парламентов, и стараются, не обличая того религиозного обмана, в котором находится народ, своим участием в правительственной деятельности улучшить внешние формы жизни обманутого народа; другие, революционеры, точно так же не касаясь верований народа, вступают в борьбу с правительствами, стараясь овладеть властью теми же самыми, как и правительства, средствами обмана и насилия; третьи, социалисты, устраивают рабочие союзы, товарищества, стачки, полагая, что состояние народа, – несмотря на то, что он будет оставаться в том же производимом ложным учением заблуждении суеверия или неверия, – может быть улучшено. Но удивительное дело, ни те, ни другие, ни третьи не только не препятствуют распространению ложной религии, на которой основано все зло, но когда в том встречается необходимость, – исполняют признаваемые ими лживыми религиозные обряды – сами присягают, участвуют в богослужениях и торжествах, одуряющих народ, и не препятствуют обучению своих и чужих детей в школе так называемому закону Божию, – той самой лжи, на которой основано порабощение народа. Это – то непонимание образованными людьми (теми самыми, которые более всех других и могли, и должны бы были разрушать ложное учение) того, в чем главная причина зла, и именно на что и должны быть направлены все их усилия, и отвлечение этих усилий на ложные пути – и составляет одну из главных причин того, что существующий строй жизни, очевидно ложный и губительный для людей, упорно продолжает держаться, несмотря на признанную уже всеми его несостоятельность и обреченность.

Оттого, что скрыто от людей истинное христианское учение, соответствующее требованиям нашего времени, и на место его проповедуется ложное – от этого все бедствия нашего мира.

Только бы люди, желающие служить Богу и людям, поняли, что человечество движется не животными требованиями, а духовными силами, и что главная движущая человечество духовная сила есть религия, то есть определение смысла жизни и, вследствие этого смысла, различие хорошего от дурного и важного от неважного. Только бы поняли это люди, и они тотчас же увидели бы, что основная причина бедствий теперешнего человечества не во внешних материальных причинах – не в политических, не в экономических условиях, а в извращении христианской религии – в замене истин, нужных человечеству и соответствующих его теперешнему возрасту, собранием бессмысленных, безнравственных нелепостей и кошунств, называемых церковной верой, посредством которых нехорошее считается хорошим и неважное – важным, и наоборот – хорошее нехорошим и важное неважным.

Только бы лучшие, независимые люди, желающие искренно служить народу, поняли, что невозможно никакими внешними мерами улучшить положение человека, считающего нехорошим есть мясо в пятницу и хорошим то, чтобы наказать смертью провинившегося человека, и важным – то, чтобы была оказана подобающая почесть иконе или императору, а неважным то, чтобы присягнуть на исполнение воли других людей и обучаться убийству. Только бы люди поняли, что никакие парламенты,

Неужели это так надо Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
стачки, союзы, потребительные и производительные общества, изобретения, школы, университеты и академии, никакие революции никакой существенной пользы не могут сделать людям с ложным религиозным мирозерцанием, и тогда сами собой все силы лучших людей направились бы на причину, а не на последствия, – не на государственную деятельность, не на революцию, не на социализм, а на обличение ложного религиозного учения и восстановление истинного.

Только бы поступали так люди, и сами собою разрешились бы все: и политические, и экономические, и социальные вопросы, – так, как им нужно быть разрешенными, а не так, как мы предугадываем и предписываем.

Разрешатся все эти вопросы, разумеется, не сейчас и не по нашему желанию, как мы привыкли устраивать жизнь других людей, заботясь только о том, чтобы жизнь эта по-внешнему была похожа на то, что нам хочется (то самое, что делают все правительства); но вопросы эти наверно разрешаются, если только изменится религиозное мирозерцание людей, и тем скорее разрешатся, чем больше мы будем прилагать наши силы не на последствия, а на причину явлений.

Но обличение лживой религии и утверждение истинной есть очень отдаленное и медленное средство, – говорят на это. Отдаленное оно или медленное, оно – единственное или, по крайней мере, такое, без которого никакие другие средства не могут быть действительны.

Глядя на ужасное, противное и разуму, и чувству устройство человеческой жизни, я спрашиваю себя: неужели это так надо?

И ответ, к которому я прихожу, – тот, что нет, этого не надо.

Не надо этого, и не должно быть и не будет.

Но не будет не тогда, когда люди так или иначе перестроят свои отношения, а только тогда, когда люди перестанут верить в ту ложь, в которой они воспитываются, и поверят в ту высшую истину, которая уже 1800 лет открыта им и ясна, проста и доступна их разуму.

Лев Толстой

Ясная Поляна

14 октября 1900 г.

КОММЕНТАРИИ

Статья «Неужели это так надо?» находится в ряду таких публицистических работ, как «Воззвание», «Корень зла», «Где выход?». Она, как и остальные, по сути дела вышла из широко задуманного «Воззвания» о несправедливости существующих порядков, как одна из версий или редакций. Замысел относится 1897 году. Редакция «Воззвания», названная впоследствии «Неужели так надо?», возникла предположительно в мае 1898 года. На просьбу А.К.Чертковой предоставить что-либо для публикации в сборниках «Свободного слова» из его «Воззвания к людям» Л.Толстой ответил положительно и в сентябре – в первой половине октября усиленно дорабатывал статью о рабочих «Неужели так надо?». Статье этой писатель придавал большое значение, работал над ней напряженно и подготовил ее к отправке в середине октября 1900 года. В письме к В.Г.Черткову он настаивал на том, чтобы статья была датирована тем годом и числом, когда написана, то есть 1900 годом. Опубликована статья в том же году «Свободным словом». В России статья «Неужели так надо?» впервые напечатана в 1905 году в издании «Донская речь» (Ростов), а затем публиковалась в 1917–1918 годах в разных городах. (См. ПСС. т.34, ГИХЛ, 1952)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

Неужели это так надо Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!